

УДК 314 (470.62)

Макаренко Мария Юрьевна

доктор исторических наук,
доцент кафедры новейшей
отечественной истории
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Косяк Нелли Анатольевна

студентка факультета истории, социологии
и международных отношений
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ)

Аннотация:

В статье анализируется историческая ретроспектива основных мероприятий, принятых советским государством для регулирования демографических процессов. Рассмотрение проблем проводится на региональном (южно-российском) уровне.

Ключевые слова:

демографическая политика, гендерные роли, браки, разводы, депопуляция, естественный прирост, девиантное поведение, здравоохранение.

Makarenko Maria Yuryevna

D.Phil. in History,
Assistant Professor of the Contemporary
History of Russia Subdepartment,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

Kosyak Nelly Anatolyevna

Student of the History, Social Science
and International Relations Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

HISTORY OF THE SOVIET DEMOGRAPHIC POLICY (CASE STUDY OF KUBAN DATA)

The summary:

The article inquires into a historic retrospection of the principle measures implemented by the Soviet Union for demographic regulation. The authors carry out a research considering the regional (South of Russia) level.

Keywords:

demographic policy, gender roles, marriages, divorces, depopulation, natural increase, deviant behavior, public health care.

Цель предлагаемых материалов – проследить динамику проведения советской демографической политики, рассматриваемой как комплекс мер по оптимизации процессов естественного воспроизводства.

После октября 1917 г. на смену христианско-патриархальной традиции семейной жизни приходят новые принципы ее организации. В декабре 1917 г. издаются два декрета, регулировавшие сферу семейно-брачных отношений; осенью 1918 г. принимается первый советский семейный кодекс («Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР»). Законной теперь становится только гражданская регистрация брака: венчание в церкви утратило силу легализации брачного состояния.

Некоторые городские слои (чаще всего – пролетарская молодежь обеих столиц) с готовностью восприняли пропаганду новых социальных ценностей: в среде комсомольских активистов красные крестины, октябрины и свадьбы без попа становятся распространенным явлением. Быстрота свидетельствует: многие социально-демографические институты отжили свой век. О том, как впервые проходили «пролетарские крестины» на окраине Краснодар, «в грязных рабочих кварталах», описано в статье «Октябрины на Покровке»: «Небольшой зал клуба не мог вместить всех желающих присутствовать. Даже входная лестница была набита битком. Среди присутствовавших большинство стариков с седыми бородами». «Виновицы торжества» получили имена Владиана «в честь великого вождя и учителя Владимира Ильича Ленина» и Лена – «в честь Ленских событий». «Под гром

несмолкаемых аплодисментов» *новорожденные* (курсив наш. – М.М., Н.К.) девочки «зачисляются в члены клуба, члены антирелигиозного кружка и в отряды юных пионеров» [1].

Подобные торжества гораздо в меньшей степени были характерны для станичной повседневности. Крестьяне часто расценивали новый кодекс как «проект многобрачия и многоженства». Однако постепенно «революционные преобразования» брачно-семейных отношений проникают и в станичную повседневность: «первые ласточки новобытовской весны» (красные крестины, октябрины, свадьбы «без попа») отвоевывали место под солнцем. Высоко оценивая происшедшие перемены, автор статьи «Новый быт в станице», опубликованной в «Красном знамени», пишет: «Мне бы очень хотелось, чтобы сейчас, в 1924 году, какой-нибудь из старорежимных атаманских зубров, один из тех, которые так любят организовывать теперь различные «кубанские землячества», казацки рады и круги на берегах Шпреи или Сены и предаваться воспоминаниям «о добром старом времени» в кабачках Белграда, Софии, Праги и Парижа, чтобы сейчас один из этих кубанских выкидышей заглянул на минутку в нынешнюю советскую станицу» [2]. Подтекст этих восторженных рассуждений – станица изменилась неузнаваемо. Можно, конечно, предположить, что размах происшедших перемен несколько преувеличен, однако трудно представить, что подобные восторги основывались исключительно на пустом месте.

Упрощалась процедура развода, что привело к их бурному количественному росту. В Краснодаре в 1920 г. на 1 развод приходилось 29 браков; в 1921 г. – 23; в 1923 г. – 13; в 1924 г. – 10; в 1925 г. – 4. Исключением, нарушающим тенденцию, является 1922 г.: зарегистрировано только 15 разводов (то есть на один развод приходилось 106 браков). Объясняется это, вероятно, переживавшимся Краснодаром экономическим кризисом [3, с. 163–171].

Самыми недолговечными оказались союзы, оформленные после упрощения процедуры бракосочетания: из общего числа разводов, оформленных за 1925 г., 78,6 % падает на браки, заключенные после 1920 г. [4].

С позиций официальной власти изменение законодательства проводилось в интересах слабого пола, но воспользовались им скорее мужчины. Женщина же, по сути, стала жертвой новых законов, оказываясь в случае развода практически без средств к существованию, поскольку большинство не работали, занимаясь домашним хозяйством и уходом за детьми. Появляются случаи двоеженства. Один из них описан на страницах кубанской газеты: красноармеец войск ГПУ привлекается к ответственности за вступление во второй брак без оформления развода в первом. Подсудимый старался доказать, что первый брак, как заключенный в 1915 г., «не должен быть признан действительным». Мужчина приговаривается к году заключения без строгой изоляции, а «ввиду его происхождения из беднейших крестьян срок наказания уменьшен до 1 месяца» [5].

Хотя начиная с 1920 г. аборт и были разрешены, все же огромное их количество производилось подпольно. Причина – сохранение социетального контроля за рождаемостью, ожидаемая негативная реакция общественного мнения. В 1920 г. только легальных абортов было проведено 1218, в 1925 г. – уже 2307 (или 50 % рождений) [6]. Показатели «стыкуются» с данными Окрздравотдела: за 9 месяцев 1925 г. выдано 2095 разрешений на аборт [7, с. 12–14]. На «усиленное применение мер искусственного предупреждения деторождения» еще в годы Первой мировой войны указывает Д. Мерхалев, подчеркивая, что меры, являющиеся в мирное время «привилегией» городов, находят теперь (в 1920-е гг. – М.М., Н.К.) широкое распространение и в деревнях [8].

С первых лет существования новая власть была озабочена проведением мер (прежде всего – борьбой с эпидемическими заболеваниями) по оптимизации медико-санитарной ситуации. В 1918 г. образован наркомат здравоохранения РСФСР. Прави-

тельство поставило перед руководством отрасли непростую задачу – в кратчайшие сроки подготовить нормативно-правовую базу реорганизованной системы здравоохранения. Сотрудники ведомства с энтузиазмом приступили к работе. В целях усиления эффективности деятельности Екатеринодарский горздравотдел в середине августа 1920 г. был соединен с Кубано-Черноморским областным отделом здравоохранения [9]. Через две недели, в конце августа 1920 г. приказом областного отдела здравоохранения ликвидируется существовавший при учреждениях здравотдела институт политкомов [10].

В годы нэпа снижение смертности в той или иной степени происходило практически во всех регионах Советского Союза. В 1911–1913 гг. на территории образованного в 1924 г. Кубанского округа смертность составляла 2,8 %, в 1926 г. – 2,1 %. Особенно четко тенденция проявилась в Екатеринодаре-Краснодаре: показатель сократился в 2 раза: 3,2 % в 1911–1913 гг. и только 1,6 % в 1926 г. [11, с. 14]. Сокращение коэффициента происходило в основном за счет снижения смертности детей в возрасте до 5 лет, что объяснялось, по мнению современников событий, отчасти причинами экономического и социального характера, отчасти – мерами медико-профилактическими [12].

19 ноября 1926 г. постановлением ВЦИК «в целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнивания супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей» утвержден и введен в действие с 1 января 1927 г. брачно-семейный кодекс. Для признания юридической силы за фактическими брачными отношениями были необходимы доказательства: о совместном проживании фактических супругов, ведении общего хозяйства и выявлении супружеских отношений перед третьими лицами, взаимной материальной поддержке и совместном воспитании детей. Право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания ограничивалось годом с момента расторжения брачного союза. Вводится единый брачный возраст для мужчин и женщин – 18 лет.

На рубеже 1920–1930-х гг. на смену полному отрицанию не только архаичных форм, но и семьи вообще приходит ее частичная реабилитация. Новые, на этот раз более консервативные принципы сексуальной и семейной жизни определяют в качестве нормы только моногамный брак, добрачные связи – аморальными. Любое девиантное поведение в области брачно-семейных отношений резко осуждалось.

Отреагировав на депопуляцию начала 1930-х гг., государство отказывается от легализации искусственного прерывания беременности, разрешенного (впервые в мировой истории) в ноябре 1920 г. и изначально определенного властью как «социальное зло». Согласно постановлению ЦИК и СНК от 27 июля 1936 г., запрещая аборт, правительство шло «навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин». В 1937 г. действие постановления показывает результативность: в крае число рождений увеличилось по сравнению с 1936 г. на 35,9 % (абсолютно на 37 039 чел.). В зависимости от типа населенных мест увеличение распределилось следующим образом – в городах оно достигло – 62,7 % (абсолютно 10 605 чел.), а в сельской местности – 30,7 % (абсолютно 26 434 чел.) [13]. Вероятная причина – в условиях города легче было контролировать реальность медицинских оснований, являвшихся безусловным и исключительным показанием для проведения операции.

В условиях военной повседневности первой половины 1940-х гг. государство все больше нуждается в действенных мероприятиях демографической политики. Пример удачного осуществления этих мер – их проведение в тыловых районах СССР: «один из парадоксов советской... истории... в том, что процесс модернизации смертности полноценно стартовал на рубеже 1942–1943 гг., когда удалось не только приостановить резкое

повышение смертности тылового населения, но и добиться ее сокращения... Патерналистская социально-демографическая политика... направленная... на адаптацию населения к полуголодному существованию в сырых и холодных бараках путем повышения эффективности здравоохранения и максимального ужесточения санитарного контроля, оказалась достаточно действенной» [14, с. 16]. Аналогичные процессы проходили в первые месяцы оккупации и на Кубани по воле гитлеровцев, стремившихся максимально обезопаситься от эпидемиологических заболеваний.

В годы Великой Отечественной войны происходит трансформация гендерных ролей. Своевременными оказались социально-демографические меры (усложнение процедуры развода, признание того, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов и т. д.), принятые правительством, чтобы, защитив женщину-мать, повысить рождаемость, частично компенсируя тем самым огромные людские потери.

Опубликованный 8 июля 1944 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и «Медали материнства» – примеры конструктивного диалога власти с народом.

Хотя с момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже шесть с половиной десятилетий, современный демографический перепад (резкое вступление Российской Федерации в депопуляционное состояние в 1992 г.) в определенной степени вызван репродуктивным «пиком» (около 25 лет) немногочисленного поколения внуков когорт (наиболее «выбитые» группы приходятся на 1942–1943 гг.) новорожденных в годы войны. Демографические процессы инерционны: отдаленное «эхо» событий 1941–1945 гг. слышно до сих пор [15, с. 151].

Отмена в 1955 г. запрета на аборт, заблокировав на несколько десятилетий поиск альтернативных путей осознанной репродукции, стала признанием (во второй половине 1950-х гг. тренд рождаемости почти не изменился) сложившейся в обществе практики. Опять, как и три с половиной десятилетия назад, искусственное прерывание беременности наивно считается временной проблемой, борьба с которой – дело будущего, поскольку пока нет сил и средств, то есть практически до конца своего существования советское государство не признало свободу репродуктивного выбора женщины и семьи.

На начало 1955–1956 учебного года в Краснодарском крае работало 2748 школ с охватом учащихся 472 226. В среднем на одного школьного врача приходилось 2000–3000 учащихся. Каждый школьный врач обслуживал еще и 3–4 детских сада. Нагрузка на медсестру составляла 1200–1500 человек. Несмотря на недостатки бытовых условий и медицинского обслуживания, все дети в обязательном порядке были охвачены рентгенологическим обследованием, лабораторными исследованиями и осмотром врачей узких специальностей. В результате к занятиям по физкультуре в основную группу допущено 77,6 % учащихся [16].

В 1963 г. в крае функционировало 30 школ-интернатов, в которых воспитывалось 9952 человека. Из них 2 школы (на 225 мест) санаторного типа для детей с малыми и затихающими формами туберкулеза. В 1964 г. – 29 школ-интернатов. Число воспитанников увеличилось до 10 393 человек. В 1965 г. – 27 общеобразовательных школ-интернатов с числом воспитанников 10 196 [17].

Согласно сообщению Крайздраотдела на 1964 г. в крае было 2477 школ Министерства просвещения РСФСР, ученики которых прошли углубленный медицинский осмотр. Из 506 390 осмотренных 18 697 нуждаются в ЛФК и корригирующей гимнастике. Выявлено: с отсталостью в физическом развитии – 1667, сколиозами – 5274, нарушения-

ми осанки – 1664, с плоскостопием – 111, ревматизмом – 4208. Лишь 1434 из перечисленных выше занимаются ЛФК и корректирующей гимнастикой [18].

Огромное значение в СССР уделялось предупреждению заболеваемости школьников туберкулезом: у детей до 12 лет основным методом выявления является пиркетизация не менее 2–3 раз в год, у детей старше 12 лет и у подростков – рентгеноскопия [19].

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 58 от 14 января 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охране здоровья населения СССР» обозначены мероприятия, направленные на снижение и ликвидацию заболеваемости.

На октябрь 1963 г. в Краснодарском крае имелось 2695 общеобразовательных школ с количеством учащихся 668 887, 34 школы-интерната, в которых обучалось 10 257 воспитанников, 40 детских домов с количеством воспитанников 3500 и 21 специальная школа, где обучалось более 2000 детей. В докладе «О состоянии и мерах улучшения медобслуживания учащихся школ, школ-интернатов, детских домов, спецшкол» говорится, что мало внимания уделяется изучению качества питания, грубо нарушаются элементарные санитарные правила, слабо прививаются культурно-гигиенические навыки, что проявляется и во внешнем виде детей. Недостатки имеются и в организации физического воспитания школьников: занятия проводятся без учета индивидуальных особенностей развития и состояния здоровья учащихся; велик процент, когда школьники освобождаются от занятий в связи с различными физическими недостатками или заболеваниями, в то время как нуждаются в систематических физических упражнениях. Также в некоторых школах не уделяется должного внимания правильной организации режима дня, что приводит к значительной перегрузке детей, следовательно, и к ухудшению здоровья [20].

Согласно проекту плана по здравоохранению Краснодарского края с 1962 по 1970 гг. предполагалось увеличить количество медперсонала с 20 048 на первое полугодие 1962 г. до 30 938 человек, в том числе акушерок с 1334 до 1934 соответственно [21]. Потребность же в средних медицинских кадрах в крае была следующей: на 1960 г. – 1017, а к 1965 г. – 1240, соответственно акушерок требовалось 72 человека в 1960 г. и 84 человека в 1965 г. В то же время план приема в медицинские училища края на 1961 г. составлял 720 человек, в том числе на акушерское отделение 180 человек [22].

После зафиксированного в 1992 г. превышения смертности над рождаемостью, тема «вымирания» России стала одной из самых обсуждаемых. Пересечение кривых рождаемости и смертности не было неожиданным. Информация о нем появилась в прогнозах ЦСУ СССР еще в середине 1970-х гг.

Сокращение рождаемости объясняет концепция демографического перехода, согласно которой на определенном этапе жизнеохранительные, матримониальные и репродуктивные установки населения изменяются. Как правило, происходит резкое возрастание естественного прироста (в России рекордные показатели приходятся на вторую половину 1920-х гг., когда прирост составил около 2 %), вызванного в основном сокращением младенческой и перинатальной смертности. На смену относительно недолгому росту рождаемости приходит фундаментальное снижение, прерываемое лишь послевоенным компенсаторным приростом.

Необходимое условие результативности проведения демографической политики – ее комплексный характер: она должна создать условия для реализации демографических интересов семьи, укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни граждан. Утопичность проектов только экономического стимулирования рождаемости показывает весь мировой (в частности – столетний французский) опыт, и, следовательно, России следует не пытаться ликвидировать титульную депопуляцию, а адаптироваться к ней.

Финансовые выплаты только ускоряют реализацию репродуктивной потребности граждан, перенося сроки рождений на более раннее время, но демографический заем у будущего (например, программа поддержки семьи, принятая в 1981 г.) не изменит сформировавшихся у населения установок малодетности. В современном мире политика лозунга действует, как правило, эффективнее политики рубля. Сделать относительно многодетную семью удобной (как, например, в странах Скандинавии) – один из возможных вариантов частичного решения проблемы. К сожалению, Россия (ни советская, ни постсоветская) использует зарубежный опыт не в полном объеме. На протяжении XX в. характер демографической политики изменялся от настойчивых попыток тотальной регламентации естественного воспроизводства до практически полного равнодушия государства к вопросам оптимизации динамики народонаселения.

Ссылки:

1. Красное Знамя. 1924. 15 февр.
2. Красное Знамя. 1924. 23 марта.
3. Подольская З.П. Брачность города Краснодара в 1925 году // Кубанский научно-медицинский вестник. Краснодар, 1928. Т. 9.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.
5. Красное Знамя. 1924. 25 мая.
6. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.
7. Население и хозяйство Кубанского округа. Стат. сб. за 1924–1926 гг. (в двух томах) / под общ. Ред. В.И. Смирнского // Труды Кубанского окружного статистического отдела. Краснодар, 1928. Т. 2.
8. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 114. Л. 15.
9. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.
10. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 32. Л. 76.
11. Население и хозяйство Кубанского округа. Указ. соч.
12. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23. Л. 16.
13. ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
14. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1.
15. Вшивцева Ю.В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.
16. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 3. Д. 244. Л. 1–4.
17. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 97. Л. 3, 12, 23.
18. Там же. Л. 20–21.
19. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 4. Д. 87. Л. 61–62.
20. Там же. Л. 1, 4.
21. ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 3. Д. 123. Л. 36.
22. Там же. Л. 63–65, 91.

References (transliterated):

1. Krasnoe Znamya. 1924. February 15.
2. Krasnoe Znamya. 1924. March 23.
3. Podol'skaya Z.P. Brachnost' goroda Krasnodara v 1925 godu // Kubanskiy nauchno-meditsinskiy vestnik. Krasnodar, 1928. Vol. 9.
4. Gosudarstvenniy arkhiv Krasnodarskogo kraya (further GAKK). F. R-1547. Op. 1. D. 23. L. 10.
5. Krasnoe Znamya. 1924. May 25.
6. GAKK. F. R-1547. Op. 1. D. 23. L. 11.
7. Naselenie i khozyaystvo Kubanskogo okruga. Stat. sb. za 1924–1926 gg. (v dvukh tomakh) / pod obshch. Red. V.I. Smirnskogo // Trudy Kubanskogo okruzhnogo statisticheskogo otdela. Krasnodar, 1928. Vol. 2.
8. GAKK. F. R-1547. Op. 1. D. 114. L. 15.
9. GAKK. F. R-158. Op. 1. D. 10. L. 10.
10. GAKK. F. R-158. Op. 1. D. 32. L. 76.
11. Naselenie i khozyaystvo Kubanskogo okruga. Op. cit.
12. GAKK. F. R-1547. Op. 1. D. 23. L. 16.
13. GAKK. F. R-1246. Op. 1. D. 6. L. 2.
14. Isupov V.A. K voprosu o nachale protsessa demograficheskogo perekhoda // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2010. № 1.
15. Vshivtseva Y.V. Naselenie Krasnodarskogo kraya nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriko-demograficheskiy aspekt (1939–1945 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Krasnodar, 2010.
16. GAKK. F. R-1393. Op. 3. D. 244. L. 1–4.
17. GAKK. F. R-1393. Op. 4. D. 97. L. 3, 12, 23.
18. Ibid. L. 20–21.
19. GAKK. F. R-1393. Op. 4. D. 87. L. 61–62.
20. Ibid. L. 1, 4.
21. GAKK. F. R-1393. Op. 3. D. 123. L. 36.
22. Ibid. L. 63–65, 91.